

18+

Сергей Каргин

Шанс, братья!

*«А однозначно не собирался Туда!
Даже в самом невероятном сне...
Но судьба распорядилась иначе...»*

Сергей Каргин

Индия, брат!

«Издательские решения»

Каргин С.

Индия, брат! / С. Каргин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566258-3

Что такое работать и жить в чужой стране? В современном мире этим уже никого не удивишь. Только если эта страна не... Индия. О непостижимой и невероятной Индии; о ментальности, ставящей в тупик европейского человека; о шокирующей разнице в уровне жизни и кастовых взаимоотношениях; о том, что обычный турист никогда не узнает; скрытых и не афишируемых сторонах работы и быта с максимальной откровенностью — от автора: непосредственного участника и свидетеля событий в сборнике рассказов «Индия, брат!»

ISBN 978-5-00-566258-3

© Каргин С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Стакан	7
Флаг	16
Мистика	22
Диверсия	24
Я памятник себе воздвиг	28
Отпор	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Индия, брат!

Сергей Каргин

© Сергей Каргин, 2022

ISBN 978-5-0056-6258-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Меня сократили. В смысле как штатную единицу. У нас на предприятии в соответствии с духом времени и укреплением демократии решили претворить в жизнь программу «Пять шагов». Идея программы была до безобразия проста – согласно новой концепции, от генерального директора до простого работника должно быть не более пяти руководителей. Должности числом свыше подлежали ликвидации. Налицо осуществлялась смычка генерального директора и рабочего. А поскольку должности уровня заместителей генерального директора, директоров управлений, начальников цехов, участков и их заместителей подпадали под дипломатический иммунитет, то программа пяти шагов автоматически отвязалась на мастерах производства – ниже руководящих должностей уже не было. Правда, до этого на предприятии активно проводилась программа «Мастер – организатор и вдохновитель всех побед». Но когда под руководящими креслами начинают трещать ножки – тут уже, как известно, не до трудового энтузиазма; и выбора особого не остается. Вернее, он есть – но он один. Тем более что все новшества на предприятие спускались из головного офиса компании, а им – виднее.

Моя должность называлась «мастер наладки горного оборудования» – то есть экскаваторов, буровых станков и разной мелочи. Потому, оставив на хозяйстве своего бывшего подчиненного, а по сути товарища по работе, Серегу (на весь горно-обогатительный комбинат нас было два наладчика), я созвонился с Питером. У них полным ходом шел монтаж экскаваторов, которые завод в 2012 году продал в Индию. В 2013-м их уже начали собирать на месте – на двух карьерах под городом Дханбад, что в штате Джаркханд: один карьер назывался «Катрас», второй «Блок-2». Со специалистами моего профиля беда была (и есть) везде. И в Индии тоже. И я уехал в Индию.

Собственно, в Азии мне доводилось бывать и раньше, и потому Индия меня не сильно и страшила. Хотя когда-то давно я для себя установил однозначное табу на поездки в две страны – это Египет и Индия. Египет – по причине особой ментальности местного населения, а Индия – по причине дикой антисанитарии со всеми вытекающими отсюда последствиями, причем зачастую уже дома. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог – себе на уме. Видимо, по этой самой причине, словно в насмешку спущенной мне свыше, мое мировосприятие резко развернулось на сто восемьдесят градусов. А с учетом того, что продажа экскаваторов сопровождалась годом гарантии и последующим шестнадцатилетним сервисным обслуживанием или так называемым MARC-контрактом со стороны русских специалистов, судьба оказалась ко мне щедрой на редкость.

Что ж, жизнь – штука порой забавная.

Стакан

– Встречать тебя будет в аэропорту наш транслейтер Шудипто, – позвонил мне из Индии за несколько дней до вылета мой будущий начальник Шукин. – У Шудипто будет табличка в руках. Ну а потом придется ехать часов пять-шесть на машине. Это Индия, брат.

На том мы и распрощались.

Калькутта (вообще-то, по-правильному с 2014 года – Колката) встретила влажным душным воздухом, пропитанным терпкими пряными ароматами. Транслейтер Шудипто – картонкой с надписью «Ижора» вместо моего имени. Хотя сей факт меня, в общем-то, и не особо дезориентировал. Познакомившись, направились к машине и двинулись в путь. Который для Шудипто неожиданно быстро завершился уже минут через тридцать, потому что на окраине Калькутты он счастливо и радостно катапультировался из машины недалеко от своего дома, клятвенно обещая вечером на поезде выехать в Дханбад и завтра утром быть на работе. И радушно предоставив мне таким образом оставшиеся шесть часов преодолевать по совершенно незнакомой местности в гордом одиночестве. Вместе с водителем, разумеется. Который к тому же ни по-русски, ни по-английски был не андестенд ни разу.

Но поскольку дело свое водитель знал, то спустя энное время без каких-либо приключений (что явилось либо абсолютным исключением, либо каким-то невероятным везением – в чем я убедился в последующие годы работы) доставил меня в точности по месту назначения. А именно в гостиницу Сосооп, что в городе Дханбаде. В окрестностях которого мне и предстояло влиться в процесс монтажа экскаватора – уже четвертого по счету, потому как три уже были смонтированы и запущены в эксплуатацию. К этому моменту шел уже восьмой месяц активной работы русских специалистов в Индии. Я приехал для того, чтобы сменить коллегу-наладчика – завершить монтаж и для дальнейшей работы по гарантии.

Но сначала надо было рассчитаться с водителем.

– Dollars? – спросил я.

Непонимающий взгляд водителя вернул меня в индийскую реальность, где, кроме рупий, других денег не видели. А поскольку, кроме долларов, у меня с собой ничего и не было, то и спрашивать о вариантах расчета не имело смысла.

– Ок, – сказал я и добавил по-русски: – Подожди тогда.

Я вышел из машины и направился ко входу в гостиницу, совершенно не представляя, что буду делать дальше. За стойкой «Reception» стоял администратор, напротив которого маячила спина какого-то человека. Я подошел и поздоровался.

– На меня должен быть забронирован номер, – пояснил я и назвал фамилию.

Спина, нестабильно покачнувшись, развернулась на мой голос, и предо мной явилось знакомое лицо Ивана – раньше работали и жили в одном городе, его сократили чуть раньше. Вообще, с Ваней и его братом Саней я плотно пересекался еще по прежней работе, где они зарекомендовали себя как классные машинисты, у которых руки, как говорится, росли откуда надо. Экскаваторы, на которых они работали, всегда были просто в образцовом порядке. Беспокойная душа Вани не давала ни минуты покоя рукам – в перерывах между погрузками Ваня постоянно что-то проверял, смазывал, подтягивал: экскаватор он знал как свой карман. Саня от брата не отставал – и потому с ними всегда было приятно работать.

– О! Привет! – обрадовался я. – Как жизнь? А я тут не знаю, как с водителем рассчитаться – у меня только доллары, а местных еще не наменял.

– Ммм... Ааа... Серега?! О-о-о-о!!! А... я тут... о... о... обща-аюсь... – промолвил Ваня, держа двумя руками за стойку ресепшена. Держался Ваня за стойку несколько странно, потому что со стороны создавалось впечатление, что он не просто положил руки сверху, а как бы невзначай и незаметно для окружающих на самом деле тестит эту стойку на надеж-

ность конструкции и для пушей убедительности пытается оторвать ее вместе со всем крепежом. И только тогда до меня дошло, что Ваня, судя по всему, очень сильно... устал. Но оно и неудивительно: семь месяцев в джунглях да на +50 – не шутка. Разрядка тоже нужна. Если в меру.

Индус на стойке протянул мне регистрационную карту, и я принялся за ее заполнение. Ваня тем временем принялся за индуса:

– Эта... короче... эта раша инженер! Из Раша самой! Кам ин сюда в Дханбад! О'кей? – начал втолковывать он индусу. – Понял, да? Давай, гив руму, которая ордер на него? Понял? Давай, гив быстро... джолды, короче...

Видя, что Ваня даже в сильно уставшем состоянии проявляет характер довольно добродушный и заботливый, я предоставил ему полный карт-бланш по ведению переговорной части. И, сосредоточившись на бланке, не заметил, как к нам подошел еще один человек.

– Андрей, – представился он. Это был наладчик, которого я и должен был в дальнейшем заменить. Мы познакомились. Разобравшись в ситуации, Андрей дал мне рупии, чтобы я рассчитался с водителем. Заодно он отправил Ваню в номер – чтоб тот не отсвечивал в таком «усталом» состоянии.

– Номер мы тебе заказали рядом с Щукиным – будете соседями. Разберешься с вещами, заходи к нам, – предложил он. – Мы там ужин готовим.

В Дханбаде на это время находилось шесть русских специалистов во главе с Щукиным. Себя Щукин позиционировал как «руководитель проекта» – все-таки звучало это куда важнее и солиднее, чем банальное «начальник производственного отдела». Кроме него, был один наладчик или, если полно, инженер по наладке и испытаниям – Андрей Белый; инженер-механик Толик Брусков – в народе Брус; два брата – Ваня и Саня, имеющие в прошлом хороший опыт монтажей; и один машинист-инструктор – тоже Ваня, но Боблев. Состав спецов вполне объяснимый: так как карьерный экскаватор доставляется заказчику не целиком, а в разобранном виде и морем – махина совсем не шуточная высотой с четырехэтажный дом, и одного веса в нем только около 350 тонн; потому и собирать его уже приходится на месте. Правда, как выяснилось, с кадрами периодически происходила ротация: кто-то приезжал только на месяц, кто-то периодически уезжал-возвращался, другие уезжали и в дальнейшем категорически отказывались возвращаться, только братаны сидели безвылазно – у них был годовой контракт.

Разобравшись с вещами, я с подарками в виде колбасы, черного хлеба и сыра направился в номер к Боблеву.

– А где народ? – поинтересовался я: в номере были только двое – Андрей и Боблев.

– Народ... – подбирая слова, ответил Андрей. – Народ, он типа... устал, отдыхает народ... По румам разошлись. Завтра всех увидишь.

– А Щукин? Надо же как-то доложиться, – предположил я.

– Щукин тоже отдыхает, уже несколько дней: климат здесь тяжелый, жара, влажность, организму непросто. Но завтра ты его увидишь. Завтра и доложишься... может быть.

На том и определились и приступили к ужину. За шеф-повара выступал Боблев: на маленькой плитке он сварил гороховый суп из пакетиков, потому как пакетиков этих, как выяснилось позже, он привозил с собой полный чемодан – на чем потом и жил всю командировку. В процессе ужина новые коллеги разъяснили диспозицию: поскольку сами мы работать с юридической точки зрения не имели права, так как имели бизнес-визы, то все работы выполняют подрядные индийцы, а наше дело – контроль, консультации и техпомощь. Хотя на деле все выглядело с точностью до наоборот: русские работали, а индийцы смотрели – поскольку местные специалисты набирались хозяином подрядной контры мистером Бенерджи максимально задешево и в основном из деревенских, которые даже не знали зачастую, в какую

сторону нужно гайку закрутить. Эту специфику с первых дней нужно было усвоить. Всего же собирали четыре экскаватора и шли они под номерами 521, 522, 523 и 524. Первые три из которых уже были собраны и успешно трудились. Оставался четвертый – тоже практически готовый.

Но ужин был бы не в полной мере ужином, если под супчик не пошла в довес положенная в таких случаях проставка и вискарь местного разлива. Когда за неспешными разговорами с супом, но не с вискарем, было покончено, я, распрощавшись с новыми коллегами, отправился к себе и завалился на кровать: дорога все-таки давала о себе знать.

Звонок телефона цинично прервал мой сон.

– Серега, – раздался в трубке чей-то невнятный голос. – Как доехал?

– Нормально... А это кто?

– Да Шукин это – начальник. Не узнал? Ну что? Может, зайдешь ко мне? – Речь начальника была слегка невнятной, что наводило на мысль, что не один Ваня пребывал в состоянии некоторой «усталости».

– Не, Юльич: я, честно говоря, заматался с дороги, – признался я. – Спать хочу – сил нет. Давай уж завтра?

– А сто грамм... за проезд? – проявил настойчивость и так уже основательно заплетающийся язык в трубке.

– Юльич, давай не сегодня уже, – пошел я в отказ, понимая, что, похоже, на той стороне уже на сегодня более чем достаточно. Тем более что, как меня уже ввели в курс дела, процесс «отдыха» у начальника уже затянулся на несколько дней.

– А проставиться? Это ж положено... за проезд?! И в коллектив влиться? – не унимался руководитель проекта: руководящая роль начальника проявлялась в нем вполне определенно.

– Юльич, – ответил я. – Уже.

– Что... «уже»? – изумился голос на той стороне.

– Уже влились и проставились, – пояснил я.

– А я?! – с искренним удивлением воскликнул начальник. – А почему меня... того... не позвали?!

– Юльич, – с досадой ответил я, – ты уже спал, и тебя не стали трогать. Давай я тоже буду спать. Устал с дороги. Завтра все решим. Хорошо?

– Ну, ладно, – обиженно пробормотал начальник и положил трубку.

Я провалился в сон.

Ненадолго – судя по всему, телефон решил продолжить надо мной свои индийские эксперименты.

– Да, – пробормотал я в трубку.

– Серега, – я узнал голос начальника, – закажи мне «Олд Монка».

– Что? – не понял я спросонья. – Какого «Олд Монка»? Что это?

– Ну, вискарь... местный.

– Не понял. А почему я? А сам? – оторопел я.

– Ну, мне... не получится, – замялся начальник.

– Почему не получится? – Со сна мозг категорически отказывался воспринимать местную действительность – тем более такую.

– Ну, закажи, – начал юлить «руководитель». – Я тебе потом объясню.

Я решительно ничего не понимал, но однозначно почувствовал какой-то подвох.

– Ладно, я перезвоню, – принял я решение и набрал Андрея.

– Не разбудил?

– А нет! – Бодро-заплетающийся голос Андрея явно обозначил стадию ужина. – А мы тут сидим! У нас еще есть! А заходи!

– Нет, я по этой теме, – отказался я и пересказал ему предыдущий разговор.

– Так, – понял все Андрей, – ничего ему не заказывай! Мы предупредили в ресторане, чтобы ему не носили ничего, он и так уже три дня сидит на стакане. И ему сказали, чтобы даже и не ждал. Поэтому посылай его подальше!

– В смысле «посылай»?! – не понял я.

– Ну, не звони ему вообще... и не отвечай... а хочешь – давай к нам!

– Нет, – отказался я, – спать хочу. Сами там.

– Ну, как хочешь.

На том и расстались. Но не с начальником: едва я провалился в сон, телефон – словно выжидая момент, – нахально напомнил о своем существовании. Звонок выключить я не догадался, и потому назойливое пикиканье долго игнорировать я не смог.

– Да...

– Серега! Ну... скажи... это... чтобы мне... пиво! – раздался уже знакомый голос. – Мне плохо, – начал ныть «руководитель проекта». – У меня «мотор»... плохо... сейчас остановится! Мне пива... только пару... скажи, пусть принесут!

«Фиг его знает, – подумал я, – может, и в самом деле загнется. У одного – не выпьет, „мотор“ остановится; а у другого наоборот: выпьет – загнется. Вот и думай».

– Две бутылки! Скажи, что для себя, – продолжал канючить начальник.

– Все! – Я принял решение. – Я не буду ничего заказывать, кофе пей!

– Ну, будь человеком... две бутылки... только... – продолжился в трубке пьяный гундеж.

– Юльич! Дай мне поспать, а?! – Я начал злиться.

– А... ты что – в самолете... это... не выспался, что ли?! – удивился начальник.

– Нет, не выспался! Я еще шесть часов потом на машине добирался, на минуточку.

– Ну, я знаю, что шесть часов... пилить... Пффф! Кому ты рассказываешь! Мы тут в Калькутту постоянно туда-сюда... И в машине не того... не спал? Я обычно вискарика накачу... и всю дорогу потом... нормально потом, – стал делиться со мной своим бесценным опытом «руководитель проекта».

– Я не накати и вообще не накатываю. Дай мне поспать, – проигнорировал я его богатый опыт.

– А что ты такой?.. Не в духе чего-то... какой-то не в настроении... – не унимался начальник.

Я бросил трубку и выключил звонок на телефоне.

Сон навалился на меня тяжким грузом: сознание куда-то полетело, полет сменился дорогой, которая почему-то опять сменилась на полет – вибрация и равномерный гул двигателей ощущались явственно, почти физически. Все перемешалось – и сон уже не отличался от реальности. Где-то далеко слышались какие-то голоса, чьи-то шаги... Сон больше походил на вязкую дрему, в которую я периодически проваливался. Но вдруг в какой-то момент что-то заставило меня открыть глаза.

Что-то явно было не так. Я поднялся с кровати и подошел к двери. В коридоре было тихо, но почему-то именно эта тишина заставила меня открыть дверь. За дверью никого не было. Зато соседняя дверь в номер к начальнику была почему-то раскрыта настежь. Это было несколько странно – и я зашел в номер...

Полумрак тускло освещенного номера осмотреться позволил не сразу. Но через некоторое время глаза привыкли к полумраку, и тогда я увидел все...

В темном мрачном номере явно что-то было не так. Пара еле светившихся бра света особо не добавляла. Да и тот свет, который все же исходил от них, вязко тонул в деревянных панелях шоколадного цвета, которыми были обшиты стены гостиничного номера. Мебель и вся обстановка темно-коричневого цвета бездушно забирали последние остатки жалкого освеще-

ния, безнадежно пытавшегося пробиться сквозь сумрак комнаты. Общий бардак царил везде, начиная со стола, в центре которого стоял ноутбук. Колорит бумажно-канцелярского хаоса из каких-то помятых бумажек, бланков, разбросанных авторучек, флешек и прочей ерунды дополнял общую картину. Грязные тарелки с остатками еды подпирала ноут тут же. На единственном стуле, дополнявшем небогатую обстановку, болталась кинутая в беспорядке одежда, часть которой, судя по всему, до него не долетела и потому валялась рядом. Там же, где и пустые и потому уже не представлявшие интереса бутылки. В центре этого рукотворного хаоса выделялась огромная кровать, на которой сидел сам начальник. Из одежды на начальнике были трусы. Что нисколько не убавляло начальственности в его виде – полтора центнера живого веса не оставляли сомнений в том, кто находится в данный момент перед тобой. На полу у него в ногах стояла наполовину опустошенная бутылка вискаря. Лицо начальника было спокойным, но при этом выражало крайнюю степень серьезности и озабоченности, какое бывает обычно у малышей, нечаянно наделавших прямо в штанишки, и при этом всем своим видом демонстрирующих окружающим абсолютную непричастность к случившемуся казусу. Начальник сосредоточенно, но бессистемно шарил вокруг себя по кровати руками, пытаясь понять суть произошедшего с ним... Потому что сидел он прямо в середине какой-то темной и вязкой жижи, в которой уже были вымазаны его руки... Я стал внимательно осматриваться вокруг, но большей частью к кровати, совершенно не понимая природы произошедшего... И вдруг до меня дошло! Это была... кровь!!!

– Юльич! Что происходит?! – только и смог произнести я.

– Вот... не понимаю... откуда взялось, – пробормотал он и поднес к глазам окровавленные руки. – Это что?.. Кровь, что ли?

– Откуда?! – опешил я.

– Сам не знаю... – огляделся начальник вокруг.

На кровати мощным почти черным пятном расплзлось кровавое пятно. Настолько мощным, что кровью была вымазана не только постель и подушки, но и пол под кроватью и вокруг нее. Отпечатки кровавых ладоней виднелись и на стенах.

– Что происходит?! – только и смог повторить я.

– И... не знаю... откуда оно... – промямлил в растерянности начальник, уставившись на свои руки.

Я подошел ближе и аккуратно обошел кровать, стараясь не вляпаться в бурые пятна. На кровати, кроме крови, ничего не было видно. На ней не было ничего, что могло бы вызвать порезы, – не было ни ножа, ни чего-то подобного. Была кровать, залитая кровью...

– Можешь приподняться? – спросил я начальника.

– Сейчас... я... на один бок... попробую, – пролепетал он.

Юльич переместил туловище на левую сторону – ничего. Перевалился на правый – и я увидел под ним... стакан. Или, вернее, то, что от стакана осталось...

А что, собственно, может остаться от стакана, если на него водрузить 150 кг веса, даже пускай и живого? – если, конечно, ты не Копперфильд? Разумеется, только осколки. Вернее, часть осколков. Потому что другая часть по всем законам физики диффузировала в то место, с которым эти осколки активно соприкасались.

– Что там? – озаботился начальник.

– Что там... – повторил я. – Стакан!! Ты в прямом смысле на стакан сел!

– Как это – сел? – Начальник растерянно захлопал ресницами. – Не, ну я выпил чуть... но так – в норму... А сел – это когда уже несколько дней...

– Я знаю, как сел?! Физически сел! Умудрился! – разозлился я. – Откуда вискарь нарисовался?

– А... это... принесли типа... люди...

Надо было что-то делать: начальник истекал на глазах кровью, и неизвестно, сколько времени он еще бы смог продержаться; номер однозначно был убит напрочь – но это была уже не первая проблема. Главная проблема была в осколках, которые всосало в себя тело начальника. И в последствиях, которые могли проявиться в любой момент. Одно было ясно – без доктора не обойтись.

Я подошел к телефону и набрал Белого. Коротко изложив новости вечера, я повернулся к начальнику:

- До душа сможешь дойти? Надо кровь смыть и заодно, может быть, осколки.
- Попробую, – начал искать опору начальник.

Кое-как он поднялся и, шатаясь, двинулся в сторону душа. Дойдя до него, он зашел за перегородку и оперся руками на стену. Я открыл воду и направил на него струю. Вода бодрой струей ударила «руководителя» в распоротую задницу и, смешиваясь с кровью, буро-пенными ручейками весело потекла по толстым ляжкам «руководителя проекта». Часть осколков вымыло из разорванной раны и потоком увлекло в канализацию. Но осколки стакана, видно, проникли глубоко, и кровь все шла и шла. Примчался Андрей, и с ним все, кого он поднял по пути. Тут же вызвонили Шудипто – для осуществления коммуникации с местным населением. Начальник стоял в душе и стонал: от потери крови у него начала кружиться голова, и он уже едва держался на ногах. Общими усилиями ему помогли добраться до кровати, с которой уже стащили пропитанную кровью простыню. Начальника уложили на живот – прямо на матрац, который, впрочем, был залит кровью не меньше. Кто-то принес бинты и вату, и этим как могли позатыкали рваную рану.

На шум примчался менеджер отеля, который, увидев сие, тут же на пороге едва не рухнул в обморок. Нет, подобное он, конечно, не раз видел в своем индийском кино со всеми этими традиционно-стандартными жуткими драками и кровожадными злодеями, где правильный и потому главный герой налево и направо утверждает справедливость мощными, но добрыми кулаками. Но чтобы это кино оказалось у него в отеле! – да еще с таким душком! – ему не могло привидеться и в страшном сне! Шутка ли сказать! – он прибегает на шум в номер, в котором, на секундочку, живет иностранец (!), и видит залитый кровью номер, кровать – на ней стонущего белого человека, воткнувшегося лицом в окровавленный матрац и отсвечивающего всему белому свету своей распоротой задницей! Убийство?! Ограбление?! Насилие?! Грабеж?! Кто?! Зачем?! Почему?! И у менеджера начинает медленно ехать крыша, потому что такое невозможно по определению и потому что такое просто не должно случиться вообще! Причем до менеджера тут же начинает доходить, что за весь этот праздник жизни этому менеджеру придется отвечать перед самым хозяином отеля! Который посиживает себе спокойно где-то в Дели, скирдуя прибыль, наивно полагая, что у него там в Дханбаде с его отельным бизнесом полный зашибись и при этом совершенно не подозревая, какую свинью подложил ему этот самый менеджер! И, разумеется, ни у кого никаких сомнений не вызывает то, что при любом раскладе именно менеджер и будет в данном случае отвечать за все. Как, впрочем, и во всех остальных случаях. И этому менеджеру уже начинает явственно видеться, как его с треском вышибают не только из хозяйского отеля, но и из всех других отелей вообще, какие есть в Индии, потому как тут понятно уже любому, что не то что в какой другой отель, а даже в придорожный шалман его уже никто и никогда даже посудомоем не возьмет по причине того, что он допустил себе такое кошунственное измывательство над иностранным и весьма уважаемым гостем. И, живенько нарисовав себе перед глазами такую перспективную картинку, менеджер начинает сползать тихонько по стенке, погружаясь в спасительное полуобморочное состояние.

Разумеется, такой роскоши ему позволить никто не мог, потому как тут сам русский «начальник производственного отдела» и с ним вместе «руководитель проекта» лежит, весь истекающий кровью и при этом уже почти бездыханный; а менеджер, видите ли, по-тихому

сливается с темы, пытаюсь свинтить по ту сторону реальности. Короче, пока еще действующего менеджера быстренько подхватили, встряхнули и втолковали, чтобы он дурака тут не валял, а вызывал доктора, а заодно уборщиков, чтобы те смыли кровь и навели хоть какой-нибудь порядок во всем этом бардаке. Трясущимися руками менеджер набрал какой-то номер и что-то пролепетал в телефон. После чего заверил, что доктор будет с минуты на минуту. Время пошло... Но не доктор... Менеджеру сказали, чтобы он звонил еще раз. Он позвонил еще раз.

В ожидании все маялись, не зная, что еще можно предпринять в этой ситуации: начальник лежал, уткнувшись лицом в матрас, стонал и уже начал со всеми прощаться, периодически прерывая прощание жалобными стонами о коварстве злодейки-судьбы – оно и понятно: прийти к такому жизненному финалу и врагу не пожелаешь; в героическую рану было написано все, что оказалось под рукой, – тем более что дыра в заднице оказалась какой-то просто черной дырой: сколько туда ни пихали, все поглощалось, и все равно было мало – кровь шла и не останавливалась. Все как могли успокаивали начальника и говорили, что надо потерпеть и что все вот-вот образуется.

– Что у меня?.. там? Идет кровь? – вопрошал он в беспокойстве.

– Лежи, Юльич, – отвечал народ, – скоро доктор приедет.

– Где он? – исходил в страданиях «руководитель». – Что так долго?

– Быстро – это на стакан садиться! – озлился Андрей. – Лежи теперь!

– Мне плохо, – продолжал утробно завывать откуда-то из глубины матраса начальник. –

Голова кружится... Я сейчас умру...

Вскоре приехал доктор, которого на входе в отель поджидал Шудипто. Оба при виде открывшейся картины впали в не меньший ступор, что и менеджер. Но профессионализм доктора все же взял верх над первыми впечатлениями; и он, отменяя эмоции, приблизился к страдающему телу. Склонившись над поврежденным органом, он внимательно и с неподдельным любопытством стал изучать место происшествия. Через несколько минут повернулся к Шудипто и что-то сказал ему на хинди.

– Он говорит, что он не понимает, что случилось, – перевел Шудипто.

– Объясни ему, что порезался, – ответил Андрей.

Шудипто перевел. Доктор с сомнением покачал головой.

– Чем порезался, спрашивает, – повторил Шудипто.

– Скажи, стеклом.

– Каким стеклом? Тут нет стекла, – не понял транслейтер.

– Уже нет, – ответил Андрей, – какое было, убрали, остальное в заднице!

– Какой заднице? – не понял переводчик.

– В жопе! Шудипто! Скажи доктору, чтобы стекло из задницы вытащил! – в раздражении ответил Андрей.

Слово «жопа» Шудипто знал – всем известно, что, как правило, изучение иностранцами русского языка с самими носителями языка часто начинается именно с этой части великого и могучего. Глаза Шудипто полезли из орбит и из сонно-волооких превратились в шарообразные.

– В жопе?! Зачем?!

– Затем, что он сел на стекло! Шудипто! Переводи доктору! Этот сейчас кровью изойдет! И так уже литра два слил! Потом не откачаем!

Слово «не откачаем» произвело на пострадавшего эффект адреналина, введенного прямо в сердечную мышцу.

– Шудипто! – послышался слабый голос умирающего. – Сволочь! Переводи быстрее доктору!.. Я кровью истекаю...

Шудипто перевел. Теперь полезли из орбит глаза у доктора. Он начал что-то бурно обсуждать с Шудипто. Шудипто отвечал, доктор не соглашался, и между ними завязалась ожив-

ленная научная дискуссия. Но такой роскоши уже не мог себе позволить менеджер, который быстро сообразил, от кого в настоящий момент теперь зависела его собственная судьба. Менеджер активно включился в диспут и изложил суть проблемы эскулапу. Доктор нехотя прекратил увлекательные прения, вернулся к кровати и уже несколько настороженно склонился над местом, которое вызвало такой международный резонанс. Непонимание отразилось на его лице несколько минут. Затем он распрямился.

– Он видит стекло, – пояснил Шудипто откуда-то из угла, где он так и остался после того, как зашел в номер по приезде: или из брезгливости перед общей картиной, или не имея особого желания вляпаться в то, что потом вряд ли отстирается.

– Он попробует вытащить, что видит...

– Шудипто! Пусть вытаскивает быстрее!! – Начальника явно изводило не только чувство собственного бессилия, но и невольная демонстрация на всеобщем обозрении собственной задницы с осколками, на которую пялилось уже с десяток пар глаз.

Доктор раскрыл свой кейс и приступил к работе. Несколько больших осколков он вытащил довольно быстро. Но остановить кровь не получалось. Наконец доктор выпрямился.

– Он говорит, что надо ехать в больницу, – пояснил Шудипто.

– Зачем в больницу?! – запротестовал начальник. – Не надо в больницу! В какую больницу?! Пусть здесь делает! Что там надо еще?

– Он говорит, что надо зашивать, – ответил Шудипто.

– Скажи, пусть зашивает здесь! Я не поеду в эту индийскую больницу, где крысы бегают по головам!

Доктор в непонимании крутил головой в ожидании какого-либо решения.

– Доктор говорит, что могут быть еще осколки. Надо доставать.

– Пусть здесь достает! – упирался начальник.

Шудипто перевел на хинди. Доктор отрицательно качал головой.

– Доктор говорит: он не может давать гарантии.

– Нахрен мне его гарантии! – взвыл начальник. – Меня крысы сожрут в их больнице!

Не поеду!

– Юльич, надо ехать, – начал уговаривать начальника Андрей. – Там больница, зашьют на месте. Делов-то! Вон, и Шудипто с тобой оставим на всякий случай.

Успокоившиеся было сонно-волоокие глаза Шудипто округлились так, как будто на стакан сел он.

– Зачем мне больница?! Я не хочу в больницу! Зачем я туда?!

– Шудипто! Завянь! Скажут – поедешь! Тебя не спрашивает никто!

– О, зачем это я приехал! Что хотите?! – завел транслейтер. – Я не могу ехать, мне там плохо будет!

– Молчи! Будет плохо – откачают! Давай, скажи менеджеру, чтобы дал машину!

В бессилии, смирившись с неизбежным, Шудипто передал менеджеру про машину. На менеджера напал ступор – еще одного удара под дых он никак не ожидал. Менеджеру все-таки, какой бы он ни был, но в свое время там, где его учили на менеджера, как-то художественно, но привили способность немного думать. Он и додумал: его менеджерское воображение живенько так нарисовало красочную картинку с салоном машины, уделанным кровью по самое не могу. Который, естественно, потом никакими богами не ототрешь; а, значит, это опять хозяину ущерб с соответствующими вытекающими... ну, про это уже и так понятно. И тогда менеджер, собрав всю волю в кулак и удерживая себя от сваливания в очередной обморочный штупор, совершил то, о чем никогда бы даже не посмел бы и помыслить! – он категорически отказался давать машину! Так и сказал – мол, машину не дам, вызывайте свою! После чего с облегчением выдохнул и в ожидании бури со стороны русских приготовился вываливаться в бессознательное состояние. Но нам было не до него – надо было спасти начальника. Тем

более что стандартный набор реанимационных мероприятий типа прямого массажа сердца и искусственного дыхания рот в рот был бесполезен. А другого, со своей стороны, мы в такой ситуации предложить не могли. Хотя еще были в нашем арсенале йод и мазь Вишневского – но, опять же, не наш случай. Вызвали машину. Пока она ехала, поняли, что теперь кровью ульет нашу машину; и завтра в этом д... ьме придется уже на работу ехать самим. Признаться, перспектива не самая лучшая. Потому срочно изыскали нечто похожее на полиэтиленовую пленку. Пришла машина. Пленкой застелили заднее сиденье. Каким-то чудом дотащили «руководителя проекта» «Хинди руси бхай бхай!» до лифта и оттуда уже до машины. Начальника всем табором втащили в салон и уложили пузом на сиденье, проблемным местом кверху. Туда же в машину впихнули упирающегося Шудипто и отправили обоих в госпиталь. Отдельно на байке, поскольку расхрабренный менеджер машину так и не давал, в качестве группы поддержки в больничку выдвинулся один из братьев.

Доктору наконец дали денег и отпустили с миром, чему он был несказанно рад. На часах было около трех часов ночи. Или утра. Уставшие, все разбрелись по номерам – дело было сделано, а впереди предстоял рабочий день.

Под утро из госпиталя вернулся Саня и рассказал, что Юльича положили в общую реанимационную палату человек на двадцать; но ввиду особой важности больного его как VIP-персону поместили отдельно от прочего страдающего люда – за шторку. Шудипто поместили вместе со всеми, но к VIP-шторке первым. Правда, народ в реанимации по большей части уже, по показаниям медиков, не особо перспективен, и потому все там на аппаратах поддержания; ну и, понятное дело, в несильно бодром настроении находятся, да к тому же родственники тут же в ожидании спят на лестнице или где найдут; короче, атмосфера там в реанимации деловая – все ждут. Но рану Юльичу прочистили и все дырки зашили. При этом сказали, что продержат начальника дня три – понаблюдать за швами, чтобы не разошлись, ну и вообще, для профилактики. Шудипто сник совсем, так как общая атмосфера в палате не сильно способствует веселому настроению, и очень просит отпустить его из госпиталя; еще жалуется, что очень хочет кушать и еще больше очень хочет спать, потому что спать не получается из-за бесконечных стонов соседей.

Приняв все к сведению, мы позавтракали и поехали на работу: заканчивать монтаж четвертого экскаватора.

Но в этот же день к вечеру объявился начальник. Сказал обалдевшим подчиненным, что уже все в порядке и что ему в больнице делать нечего. Правда, осколки, как выяснилось позже, ему вытащили не все – еще долгое время они выходили у начальника наружу: организм никак не мог согласиться с такой постановкой вопроса и упорно отторгал из себя чужеродное. Потому швы заживали у начальника плохо и неохотно. А Шудипто долго еще потом с содроганием вспоминал свое пребывание в больнице и клялся, что никогда в жизни больше ни за какие деньги не поедет в подобное заведение. Особенно если это будет связано с очередным – не дай бог! – спасением кого-нибудь из русских.

– Плохое место, – тяжело вздыхал Шудипто, вспоминая события той ночи. – Очень плохое.

Так начались мои трудовые индийские будни. Которые вскоре преподнесли события не менее неожиданные и захватывающие... Тут уж, как говорится, как корабль назовешь, так он и поплывет. Ну а выражение «сесть на стакан» в нашем понимании приобрело уже не только иносказательное значение.

Флаг

Вечером у себя в номере Юльевич собрал всех на совещание.

– Так, у нас завтра ответственный день, – начал Юльевич. – Сдаем в работу крайний – тьфу, тьфу! три раза! – четвертый экскаватор. Будут консул наш, атташе торговый из Дели, понятно – наш генеральный, там еще от Газпромбанка и Внешторгбанка. Кто-то от индийской стороны. Но нам уже и неважно – нам и наших хватит. Короче, надо подготовиться. Предложения.

– Надо, – по-хозяйски начал Ваня, – индийцев – с кем монтировали – отблагодарить: стол собрать, сладостей всяких купить – джалеби, расгуллы какой. Газировок хорошо – «Пепси», «Спрайт», «Мазы». Они любят это – что послаще. Опять же, работали, старались.

– Это ясно, – согласился Юльевич. – Со столом – подготовим. Но надо встретить как-то торжественно.

– Ленточку тогда резать, – предложил Ваня. – Будет торжественно и прилично.

– Ленточку – это хорошо, – кивнул Юльевич. – Только натянуть надо будет как-то.

– А вон, бамбука полно – рубануть по дороге, – предложил Ваня.

– А внизу камнями обложим, будет держаться, – подключился брат.

– Так, хорошо, с этим понятно, – продолжил Юльевич. – Поедут делегации кортежем из отеля сразу в карьер. Там у экскаватора все и надо подготовить.

– А у нас флаги есть? – поинтересовался Толик Брус. – Хорошо бы российский и индийский. Чтобы рядом – типа дружба народов. Опять же, политический момент.

– Российский есть, – ответил Юльевич. – И заводской тоже: специально подрезал еще на заводе.

Ваня почесал затылок:

– Как-то не очень. Два флага – и оба наши. А индийский? Политика дело тонкое, еще обидятся. И если вешать, то по краям – индийский с российским, а посередине – заводской. Но без индийского никак нельзя.

– А что Шудипто? Ему говорили, чтоб в Калькутте нашел, – вспомнил Саня.

– Нифига он не привез – «Блэк Дог» привез. А флаг не привез. Сами знаете: одновременно два задания индусу давать нельзя – не будет ни первого, ни второго.

Все замолчали.

– Хорошо хоть вискарь привез, – прервал молчание Ваня.

Опять повисла пауза.

– Так, на месте мы можем что-то решить? Тут где-нибудь флаг можно купить? – начал искать решение Толик Брусов.

– Какой флаг? В этой деревне? Ты их видел хоть где-нибудь? – махнул рукой Юльевич.

– Вот в Таиланде – молодцы: на мало-мальской горе они втыкают флаг свой. Да немаленький. Все время смотрел и думал: кто ж впер его туда? И дорог при этом наверх не видно. А ставят, – вспомнил я.

Опять повисла тишина.

– Что делать будем? – вернул всех на землю Юльевич. – Без флага плохо, а с нашими двумя – не пойдет.

– Надо здесь искать, – предположил Ваня.

– Правильно, – поддержал я. – В конце концов, сошьют по-быстрому: всего-то три полоски – зеленая, белая и оранжевая.

– Решено, – подвел итог Юльевич. – Берете с утра машину, едете на Катрас и ищите готовый, или пусть шьют. Сладости, воду – тоже по пути. Рано все это торжество не начнется – часов в двенадцать. Думаю – успеете.

На следующий день с утра машина помчала нас на Катрас. В машине нас пятеро: Толик Брусов – он у нас за старшего, братаны – Ваня с Саней – и я. Пятый сзади Шудипто – индус, переводчик: Катрас – то самое место, где, кроме как на хинди и местных наречиях, больше ни на чем не говорят. Со сладостями разобрались быстро – лавок на каждом шагу. «Спрайты», «Пепси», «Мазы» тоже – по дороге. Осталось ленточку, ножницы и флаг. Но это – в самом Катрасе. А надо сказать, Катрас – это, вообще-то, как город. И живет там тысяч двести. Но город этот индийский: с натканными одно-двухэтажными домиками, с запутанно ползущими куда-то вглубь вкривь и вкось улочками – в которых не всякий местный разберется. Но с рынком большим. И как ни поедешь через Катрас, с какой стороны ни завернешь, а через рынок этот непременно проедешь насквозь – через лавки с велосипедами, вентиляторами, бытовой всякой; потом через овощи-фрукты, сладости, кафешки там с тандурами пойдут и – обязательно! – через помойку, что в самом центре рынка, где сваливают все отходы и где коровы с собаками да свиньями пасутся – и дальше на выезд через такие же лавки, но в обратном порядке. А тряпки разные – они тоже в центре. Хороший рынок в Катрасе – большой, много чего есть; народу полно – все местные туда собираются. Ну, и нам туда же – в самый центр надо. Продрались сквозь трещащие тук-туки, толпу, снующую прямо под колесами, – хорошо автобусов школьных не было: точно б встали на полдня. И дальше – в центр. К помойке поближе. Кто знает, что такое азиатский рынок, – поймет; кто нет – лучше самим съездить.

– Шудипто, – поворачиваемся назад. – Мы сами не пойдём – сам знаешь: только выйдем – толпа сбежится, будет зоопарк. Только за зверей в нем будем, как всегда, мы – остальные зрители: белый человек с неба спустился. Потому давай дуй, ищи лавку какую или мастерню, где шьют: нам флаг нужен. Индийский.

– Что есть фляг? – не понял Шудипто.

– Не фляг, а флаг! Андестенд? Давай, времени мало.

Переводяга у нас Шудипто – 23 года, единственный сын своих родителей, год учился в Калькутте в русском культурном центре; ни один переводила из Калькутты не согласился ехать в нашу дыру; Шудипто уговорили за 500 бакинских в месяц. Остальные соглашались, начиная с 3000. «Плохое место», – пояснял потом Шудипто.

– Флэг? – напрягся Шудипто. – Говори, что хочешь.

Шудипто вместо «скажи» употребляет «говори».

– Флаг! Флаг! Понял? Блин, по-английски как? Кто помнит?

– Саня, у тебя в школе английский был – вспоминай!

– А чего я? – засопел Саня. – В школе – когда это было?

– Флаг! Флаг! – замахал руками Ваня, изображая из себя футбольного фаната на трибунах.

Шудипто пожал плечами:

– Плохо говоришь по-русски. Что хочешь? Говори. Еще раз давай.

– Да как тебе еще по-русски?! Как по-русски! А я на каком тебе! Флаг! Большой! Висит!! – закипятился Ваня.

– У них ничего не висит, – поправил я. – Это не Таиланд.

– Говори еще раз, – пытается пополнить свой словарный запас новым словом Шудипто. – Что хочешь?

Вообще-то, Шудипто с собой в рюкзаке всегда таскал пятикилограммовый хинди-русский словарь 1956 года издания. Говорил, что такие словари вручали лучшим выпускникам курсов. Но нынче с собой почему-то не взял.

– Шудипто! Ты понимаешь, что я тебе говорю?! – Ваню начало трясти. – Лавка! Флаг! Дроп! Катон, твою душу!!!

– Так, тихо, – попытался взять ситуацию под контроль Толик. – Так не разберемся. Надо как-то по-другому.

– Как по-другому?! Как по-другому?! Транслейтер, чтоб его! – Ваню понесло. Он нервно вытащил из кармана пачку сигарет и выскочил из машины, хлопнув дверью.

– Баннер, – вдруг произнес Саня.

– Баннер? Флаг? Я знаю, что такое флаг, – отреагировал невозмутимо Шудипто. – Флаг – такое большое, вешают, чтобы видно всем. На праздник тоже.

Вздых облегчения приподнял машину.

– Давай, иди, Шудипто. Время! Тайм! Индийский надо, понял? Полдесятого уже.

– Зачем вам такой? – не унимается Шудипто. – Что делать будете?

Невозмутимость Шудипто сдетонировала и мощно рванула сформировавшуюся в машине критическую массу.

– Шудипто! Мы тебя убьем! Трам!!!... Пара-рам!!! Гоу! Шнеллер!!! Тайм!!! Джолды!!! «Джолды» на хинди – «быстро» означает.

Прошло минут сорок...

А надо сказать, остановились мы удачно: по нашей стороне улицы в глубине первого этажа оказалась забегаловка с самосами – пирожки такие с начинкой разной бывают. Но не только – в этой чайхане еще пиво продавали. Братаны с Толиком, поняв, что время, собственно, есть, и даже очень, – туда. Я в машине остался – дверь распахнул, воздухом дышу. А напротив – через дорогу – участок полицейский. И на воротах часовой стоит – а за забором в глубине двор со зданием полицейским. И что-то стал часовой проявлять бдительность: его понять можно – напротив участка тонированная машина стоит, там белые люди, машина стоит долго. А вдруг террористы?! И сейчас как взорвут участок?! А потом ищи работу... А в полиции хорошо... Это же не уголь на голове носить... А так, может, начальник за старание похвалит. А еще лучше за бдительность премию выпишет. А, может, целую медаль дадут!... Нет, медаль, скорее всего, начальнику дадут... Вместе с премией... Но начальник уж такое не забудет точно... Приблизит к себе в друзья, а там, глядишь, и... Вот так стоит этот часовой и примерно так мечтает. И от этих мыслей возникает у него изнутри повышенная бдительность. А вооружен он штатно – бамбуковой палкой. И начинает он этой палкой в нашу сторону тыкать и о чем-то с таким же подошедшим к нему блюстителем закона совещаться.

Я – в машине, все вижу. Братаны с Толиком видят пиво. Я к ним из машины:

– Что-то мы здесь перестали сильно нравиться. И Шудипто пропал – на телефон не отвечает. Давайте-ка валить отсюда, пока в околоток не замели.

– Похоже, в самом деле, – согласился Толик. – Время идет, Шудипто пропал, и пиво кончилось. Надо самим что-то предпринимать.

– Поехали вперед, – говорю. – А Шудипто по телефону найдем потом.

Отъехали вовремя – на той стороне, поглядывая в нашу сторону, бурно совещалось уже человек пять. И все вооружены штатно.

Метров пятьдесят отъехали – натыкаемся на Шудипто.

– Нет лавки, – вздохнул он. – Ничего нет здесь. Плохое место.

Шудипто всегда вздыхает, когда произносит: «Плохое место». Видимо, подчеркивает всю трагедию случившегося.

– Садись в машину! За смертью тебя посылать! – скомандовал Брус.

– Что хотите делать? Говорите, – без энтузиазма поинтересовался Шудипто.

– Флаг искать! Тебя где носило?!

– Что есть «носило»? Говорите, что хотите? – не унимается Шудипто.

– Ты ножницы купил? Ленточку?! Время! Тайм гоу!
Шудипто печально вздыхает и трагически закатывает глаза:
– Нет здесь ничего. Говорю – плохое место.
– Где ж ты был?! – начал снова закипать Ваня. – Где носило тебя почти час?!
– Мужики, время, время, – начал успокаивать Толик. – Пол-одиннадцатого уже! А у нас «Спрайт» только! С «Пепси».
– Пошли – сами искать будем, – подключился я.
Недоумение нарисовало на лице Шудипто дугу из бровей, уходящих куда-то в область темени:
– Что?! Сами?! Зоопарк хотите?!
– Шудипто! Молчи! Все – сами ищем! Парван! – скомандовал Брус водителю. – Стой!
Вот слева лавка с тряпками какими-то.
Вывалились в водоворот толпы. Прямо перед какой-то лавкой.
– Шудипто, сюда! Комм цу мир! Переводи – про флаг спрашивай!
Пять минут на хинди хватило, чтобы хозяин исчез в недрах темной лавки.
Пять секунд – на то, чтобы перед лавкой собралась толпа.
Человек набежало – не сказать сколько, но хватило, чтобы улица встала: на толпу перед ранее пустующей лавкой как магнитом стало присасывать и притягивать все больше народу. Всем хотелось знать, а лучше лично посмотреть, что происходит внутри.
Хозяин вернулся минут через десять. В руках что-то темное – с улицы в темноте лавки не видно. Разворачивает – флаг... Только красный. Но без серпа с молотком.
– Это хороший флаг – с таким коммунисты ходят, – одобрительно закивал Шудипто. – Очень хороший. Берите.
В недавнем времени компартия в Индии имела большое влияние. По молодости даже папа Шудипто с коммунистами якшался. Ну, и Шудипто передалось по наследству какой-то шальной хромосомой.
– Шудипто! Индийский!
Минут пять на хинди. Недра лавки поглотили хозяина и исторгли из своего мрачного чрева на свет божий минут через двадцать. Разворачивает... зеленый... с полумесяцем и звездой.
Внутри разом – будто рубильник выключили – повисла тишина. Народ насторожился, почувствовав какой-то подвох. И потому, еще не совсем понимая, что происходит в сумерках лавки, поднадавил внутрь.
– Убери нафиг! Ноу! Это ж мусульманский! Пакистан! Они с ним воюют!
Хозяин лихорадочно – исправляя свою оплошность, пока не дошло до местных, – зачихнул флаг куда-то вниз.
Собственно, если бы хозяин из глубин своей лавки явил бы нашему взору штандарт дивизии СС «Мертвая голова», я бы уже даже и не удивился.
– Какой у вас флаг?! Шудипто! Знаешь?! Полосы у вас какие – знаешь?! Зеленая, белая и оранжевая!!
– Я ему говорил какие – зеленая. Он принес.
– Торгаш, – говорю я, – понятное дело – ему хоть черта в ступе: лишь бы продать.
– Говори еще раз!
Минут пять на хинди. Закачал головой. Исчез. Из небытия вернулся быстрее – по времени где-то между первой ходкой и второй.
Радостно раскрывает – оно?! Ага, логика работает, но на одну ступень – белый!
– Полосы говорил. Зеленый говорил. Принес. Не так. Принес другой. Совсем не так. Что хотите – говорите. – Шудипто невозмутим, как тысяча лам вместе взятых.

– Почему по одной полосе носит?! Шудипто! Флаг у вас какой! Там – три! Фри! На пальцах смотри – фри полосы! Уан – оранж! Ту – вайт! Фри – грин! Но сепарейт! Вместе!! Тугезе! Понял?!

Пять минут на хинди. Процесс поглощения хозяина таинственными недрами лавки повторился. Как и процесс материализации. Протягивает.

– Ну, наконец! Вот, видишь – оранж, вайт, грин! Вот ваш флаг! Понял?! Спрашивай, сколько мани.

– Странный он какой-то, – вдруг опускает всех с небес Ваня. – Узоры вдоль полос. На индийском не было вроде. Толик – не помнишь?

– Да, что-то не так, – задумался Толик.

– Это иранский, – вдруг изрек молчавший до этого Саня. – У них на персидском по полосам надписи вдоль.

– Шудипто, скажи, что не то! Ваш пусть ищет!

Диалог на хинди. Провал – материализация: процесс становится привычным и даже начинает заворачивать.

– Давай быстрее, неси! Время! Тайм ноу!

Наконец! Разворачивай, родной! Три полосы: оранжевая, белая, зеленая. Только... как-то не так... Полосы правильно, но...

– Какой-то он не такой... Саня, – Ваня поворачивается к брату. – Что скажешь?

– Да, какой-то он неправильный. Вытянутый, что ли... Должен быть прямоугольный вдоль, а этот – поперек. Вертикальный получается. Если по полоскам вешать, – задумался Толик.

Повисла гнетущая тишина.

– Это Кот-д'Ивуара флаг, кажется, – внес ясность Саня. – У них полосы такие же, только не вдоль, а поперек.

– Толян, время сколько?

– Одиннадцать почти. – Толик невозмутим.

– Опаздываем, час всего у нас. А может, фиг с ним – повесим как есть. Главное, полоски какие надо. – Это Ваня от безысходности.

– Ага. И наши два рядом. И потом – формат государственного флага утвержден международной конвенцией, – блеснул эрудицией Саня.

– Шудипто! Спроси другой!! Пусть ищет!!

Объяснение на хинди. Разочарованное качание головой.

– Нету другой, – переводит транслейтер. – Давай этот берем. Хорошо будет.

– Какой другой! – взорвался Ваня. – Какой другой! У нас консул будет! Генеральный! С атташе вместе! Из Дели! И мы с флагом! Поперек! Ты думаешь, что говоришь?!

– Вань, Вань, успокойся – время! Полдвенадцатого уже, – вмешался Толик. – Шудипто, что еще есть у него?

– Нету, говорит, больше. Берите какой есть – хорошо будет.

Шудипто – молодец: не пробить.

– Нет. – Толик стоит на своем. – Пусть ищет или шьет: столько времени на него потеряли – только рекламу сделали, бесплатную – вон, вся улица встала из-за его лавки. И мы в ней – как в цирке в роли клоунов. Переводи ему! Пятнадцать минут у него! Мы за ножницами и ленточкой. А у него чтоб готово было! Скажи!

Ножницы, ленточку – это быстро, заняло минут десять. И назад – за флагом: в сопровождения толпы – она за нами из лавки в лавку. К хозяину – как? Протягивает: три полосы – все вдоль.

– Вспомнил! Посередине на флаге еще колесо Ашока Чакра должно быть, синее! – вытащил из глубин своей памяти Саня.

Шудипто переводит. Хозяин – нет проблем! Две минуты, ок? Забирает... Нырять в глубину лавки. Ждем... Возвращается быстро. Показывает. Смотрим: флаг; три полосы – правильные, вдоль; посередине – круг, синий... Прямо колдун! Колесо только какое-то нечеткое, но издали – пойдет. Сколько мани? Сто рупий. Держи! Время? Почти двенадцать! Гоу! Опоздаваем!

Уже в несущейся машине, выскочив из Катраса, спрашиваю:

– Шудипто! Так хозяин как флаг-то нашел? Говорил же, что больше нет! Или по соседям метнулся? Где нашел-то?

– А так... нашел.

– Как «так нашел»?

– Нашел, говорю. Я говорил – он делал.

– Чего крутишь? Колись! Где взял?

Шудипто поднимает на меня свои томные волоокие глаза и как неразумному ребенку:

– У него дочь в школу идет... Знаете, «школа» такое?

– Знаю, не томи.

– У них занятия есть – где все сидят...

– Уроки называются, – поправляю.

– Да, уроки. У них есть, где они делают такое на бумаге...

– Рисуют, что ли? – уточняю.

– Вот, умный человек – сразу видно. Рисуют, да. Он краски у нее взял и... сделал! Все полосы и колесо тоже. Как это?.. А! – «акварель» называется.

Катрас вздрогнул...

– Шудипто! Мы тебя убьем!!!... Молись теперь, чтобы дождя не было!!!...

Мистика

Отработали, решили в «Спенсер» захватить: магазин такой, где все есть – от чемоданов до продуктов. Подъехали, из машины вышли. Рядом стоят два индуса – такие колоритные: в яркой разноцветной одежде, в тюрбанах, с платками поверх, дудочки на шее висят – музыканты, похоже. Бродят себе по улицам, играют – народ развлекают; а им за это кто что – кто денежку, кто, может, поесть чего. И всем хорошо – народу весело и им сытно. В руках типа корзиночек, плетенных из бамбука – с крышечкой – для денег, судя по всему, или того, кто чего даст. Такие колоритные, что наши мужики захотели с ними сфотографироваться – ну, фотоаппарата с собой нет, но планшет у Сани с собой всегда – и то хорошо.

Говорю нашим: становитесь, мол, рядом с ними. Музыкантам жестами показываю, что, мол, фото с вами – те закивали, заулыбались: о'кей, мы не против. Я планшет взял, команду влево-вправо, фокус навожу – короче, весь в процессе. Приготовился – чиз-з-з-з!! – и тут один индус – раз! – крышку с коробки вон! И сразу вслед за ней – как на ниточке привязанная, взметнулась вверх черная тень... Кобра! И встала!! Капюшон раскрыла, язык раздвоенный выпустила и замерла!.. В долю секунды всех как ветром сдуло!! И я один – стою с дурацким планшетом в руках: а от него толку?! – только москитов малярных бить... И то если попадешь – семь дюймов: не особо и размер-то. Короче, картина: я, планшет в руке и кобра!!! И никого!!! А индийцев как вообще не стояло!!! – исчезли!!!... Только корзинки на земле остались. И одна без крышки... И из нее начинает не спеша и расчетливо вытягиваться кобра. И, рыская в стороны своими глазками-бусинками в поисках жертвы, начинает медленно подниматься и при этом тихо раскачиваться: влево... вправо... влево... вправо... И нагло так шипит и глаз своих змеиных с меня не сводит и буравит, буравит глазками своими ползучими не моргая... И будто время для меня остановилось... Только вижу как во сне – раздувает свой капюшон, и пошла, пошла назад капюшоном своим, и изгибается больше... больше!!... больше!!! ... И из глубин лихорадочно пульсирующего мозга до моего еще не отключившегося сознания медленно, но уверенно – как в замедленном кино, сквозь туман змеиных глаз, доходит: еще мгновение и... бросок!! И все!!! И шансов – ноль!!!...

И чисто интуитивно метнулась у меня свободная рука навстречу!.. Успел!!! – хватил за горло! или как у нее там называется! – резким движением рванул тело из корзины вверх, вскинул над головой и – разом вниз – о землю: тресь!! шмяк!! Да с маху! За то, что шипела!! За глаза змеиные!!! За гипноз!!! ...От плеча! Еще!! Еще!!!... А в руке пульсирует упругое и холодное!!!... Еще!! Да об землю!!!... А она выкручивается и обвивает руку толчками, и с каждым импульсом обвивается, зажимает!.. И вот уже как в тисках! – вены на руке вздулись, пульсируют уже вместе с тем, что в руке: и чувствую, что вот-вот лопнут!! Рука посинела... Да ж это!!!... И понимаю – рука как чужая – слабеет... и все! сейчас разожмутся пальцы и... Но тут что-то вдруг изменилось – обмякло то, что в руке судорожно билось, и... повисло безжизненно. Видимо, сознание потеряла... или сотрясение мозга случилось... или позвоночник сломал... Но мне-то? – вырубилась, и слава богу! – не искусственное же дыхание ей делать? И, пока в себя эта гадина не пришла, быстро сунул ее в коробку, которая валялась у ног, – индийцы-то в панике побросали все свои причиндалы – и крышкой прихлопнул...

Перевел дух, холодный пот со лба вытер, поворачиваюсь... А из второй, валявшейся в шаге от меня коробки сзади... к моим ногам... шипя и извиваясь...

...Проснулся в мокром поту... Глаза открыл: кровать, я у себя в номере, Сосооп родимый... «Вот же съездили вчера в „Спенсер“, – думаю, – и привидится же такое, как я там кобру голой рукой...»

Встал, помылся, побрился, на часы посмотрел – пора на завтрак выдвигаться. В коридоре встретил Ваню, говорю:

– Приснилось же – как я кобру голой рукой душил до посинения...

– Ага, – ухмыльнулся Ваня, – вчера, когда эти заклинатели свои туески бамбуковые открыли и оттуда кобры как выскочили – я даже не помню, как и в машине оказался. И все остальные тоже... Один только ты там остался с планшетом... и с голыми руками...

Диверсия

– Ну что – очередной заход? – поинтересовался я для проформы у начальника за завтраком.

– А что еще остается? – вопросом на вопрос парировал Юльич, с аппетитом уплетая чиз-омлет.

Юльич вообще все ел с аппетитом – поесть он любил. Как и готовить: делал он это самозабвенно и с вдохновением, обильно сдабривая блюда множеством специй. И так же щедро угощал всех. Как и рыбой, изловленной самолично – рыбалка была еще одним его увлечением. Отдельной его страстью были гаджеты: мимо очередной флешечки, какого-нибудь USB проводочка-переходника или 3D-очков равнодушно пройти он не мог. Еще Юльич очень любил лечиться – благо Индия предоставляет в этом безграничные возможности. В то же время редкая рота профессиональных сомелье смогла бы тягаться с ним в дегустации крепких и не очень напитков. Без кондиционера жить он вообще не мог. Как и без интернета, скачивая оттуда тоннами музыку или фильмы. Но при этом в одиночестве он скучнел и чах – потому любил окружать себя народом. Юльич вообще любил жизнь и старался брать от нее по максимуму. И брал.

Расправившись напоследок с овсяной кашей, он подвел итог:

– Едем, ждем: может, сегодня что-то разрешится.

Мы ждали уже несколько дней. Последний из четырех экскаваторов был готов к работе. Сверкая новенькой краской, он стоял на монтажной площадке, возвышаясь над всем карьером. Все узлы и механизмы были проверены и смазаны. Электрические параметры выставлены, предварительная наладка главной группы и приводов была проведена. Братаны погоняли, насколько позволяли размеры площадки, экскаватор на месте. Оставался перегон уже своим ходом в забой к месту работы. Мы ждали команды местного руководства. Местное начальство что-то тянуло, и потому мы каждый день добросовестно выезжали на место, маясь в откровенном безделье, ожидая высокого разрешения.

– Пойду я сразу проверю, есть ли напряжение, – решил я, вылезая из машины. Напряжение на монтажную площадку подавалось по отдельной линии, которую индусы отключали в любой момент и без всякого предупреждения. Причем на неопределенное время. Мы разошлись в разные стороны: я к отдельно стоящей высоковольтной ячейке, братаны в сайт-офис – который представлял из себя обычный контейнер, переоборудованный под вполне нормальную вахтовку: с окнами, парой лавок и столом. Там же, кроме имеющегося холодильника, микроволновки и чайника, у нас в офисе еще хранилась техническая документация и некоторые запчасти и инструменты.

– И, кажется, нам сегодня несказанно повезло! – доложил я, входя в сайт-офис. – Сегодня у нас есть напруга! И посему, если у вас, господа, нет возражений, то пойду-ка я запущу экскаватор – пусть группа покрутится, поработает и посушится.

– Иди, иди – развлекайся, – ухмыльнулся Ваня, дуя на обжигающий чай. – Все равно делать нечего.

Я поднялся на экскаватор, запустил в машинном отделении группу и прошел в кабину. Информационный дисплей бодро доложил о том, что все параметры в норме. Я сел в кресло, включил режим экскавации, дернул джойстики – привода откликнулись: все было штатно. Тогда я переключился на ход, передвинул джойстики... а никто никуда и не поехал. Хо́да не было – ни вперед, ни назад. Я глянул на монитор и увидел, что возбуждение двигателей хо́да отсутствовало. Прибор на шкафу управления в машинном отделении подтвердил то же самое.

«Здрасьте, забор покрасьте!» – мелькнуло в голове.

– Это что за фокусы? – озадачился я: до сегодняшнего дня все было проверено и отрепетировано не раз. И при том что работ больше никаких не проводилось и никто никуда не лазил, факт появившейся неисправности вызвал некоторое недоумение. В уме сразу всплыла недавняя история с вырванным монитором: «Очередной саботаж?» – мелькнуло в голове. Но гадай не гадай, а проблема сама по себе не исчезнет. И я открыл шкаф управления.

– Хотите прикол? – поинтересовался я у Вани с Саней, распахивая дверь в сайт-офис.

– Что ты там еще нашел? – хмыкнул Ваня.

– А вот – запустился, а хода нет.

– Как – нет?! – чуть не подпрыгнул Ваня. – Нам же на перегон могут в любой момент отмашку дать!

– Расслабься, – поспешил я его успокоить. – Все уже работает. Кабель на возбуждение двигателей хода был оборван. Но как-то странно – как будто тупым ножом резали, весь измочаленный.

Ваня с Саней переглянулись.

– Опять диверсия? Срыв перегона? – задумался Ваня.

– А кто знает? – пожал я плечами.

– Одно дело, когда у нас из кабины монитор с мясом вырвали, – стал прикидывать Саня. – Тут понятно: монтажная площадка – это же земля деревни местной, и угольная компания за аренду земли всей деревне платит. И чтобы подольше получать, деревенские тогда ночью сдуру стырили информационный монитор – полагая, что без монитора ничего работать не будет, и чтобы мы без него не уехали. А деревне платить не перестали. Только тогда мы и без него могли спокойно уехать – просто информация бы не работала. А сейчас? Это уже, получается, какая-то целенаправленная диверсия, что ли?

– Вообще-то, маловероятно: индусы вряд ли могли такое сделать, – засомневался я. – Если они про монитор что-то еще там дотумкали, то схему-то они вообще не знают, чтобы что-то там целенаправленно отключать. Но как-то все по-варварски оборвано. Причем в десяти сантиметрах от клеммника – зачем было рвать, если проще было бы кабель из клеммника выдернуть?

Дальнейшие рассуждения о случившейся ситуации особой ясности не внесли, и мы, просидев до середины дня и не дождавшись команды на перегон, с тем и уехали.

Спустя день приехали снова. Я из машины сразу к ячейке – что с напряжением? Стрелка вольтметра лежала на ноле – напряжения не было.

– Ну что, – рассудил Ваня, – ждем опять до обеда и, если напругу не дадут, – едем домой.

– Ясное дело, – согласился Саня. – Неизвестно в какое место еще придется ехать. А по этим их местным дорогам – то еще удовольствие перегоняться.

Надо сказать, что культура производства горных работ на Катрасе производила неизгладимое впечатление на любого, кто приезжал сюда в первый раз. То, что представлялось перед глазами, в России называлось свинойством. По причине того, что какими-либо понятиями о правилах горной выработки: высоте уступов, отбортовке, выдержке углов, негабаритам и прочем – на Катрасе даже и не пахло. Копали, кто куда и как пойдет. Но тут, как говорится, в каждой избушке свои колотушки. А посему, раз уж Индия – явно не Россия, то, значит, и не наше дело. Хотя косвенно весь этот бардак сказывался на работе техники, за надежность работы которой мы несли прямую ответственность – как известно, на плохой дороге и автомобиль долго не проработает, не сломавшись.

Саня с Ваней в очередной раз расположились в офисе, но мне почему-то не сиделось.

– Пойду-ка я на экскаватор поднимусь, – решил я, подчиняясь какому-то необъяснимому чувству.

– Да что там смотреть? – усомнился Ваня. – Уже сто раз все перепроверили.

– А все равно делать нечего, – ответил я и вышел из вагончика.

В машинном отделении было темно. Я открыл двери, но дневной свет освещал только то, что было перед проемом. Шкафы управления со всей начинкой находились в углу отделения, и дневной свет туда уже не доставал. Я включил фонарик и приступил к осмотру, еще толком не представляя, что хотел увидеть, – скорее, просто контрольный осмотр.

Поочередно открывая шкафы, взглядом пробежался по состоянию блоков, подходящих кабелей, клеммников. Все было в порядке. В очередном шкафу находились платы с рядами оранжевых реле, и размещались эти платы вертикально одна над другой.

Общая картина не вызвала сомнений. Я уже закрывал дверки, когда мой взгляд напоследок скользнул по крайнему реле, и неожиданно рука остановилась. Что-то странное произошло при беглом взгляде. Я присмотрелся повнимательнее и на корпусе этого реле увидел повреждение пластикового корпуса. Вернее, повреждением это назвать было бы неправильно – скорее следы задигов или глубоких царапин: как если бы кто-то ножом или острой отверткой драл корпус.

«Бракованное реле поставили?» – мелькнула мысль. Но такое было маловероятно – компания, выпускающая это оборудование, была известна своим отношением и к своей репутации, и к тому, что производила. Я перевел взгляд на соседнее реле и увидел такие же повреждения. Третье, четвертое, пятое! – все были с поврежденными корпусами! Все это выглядело более чем странно. Я стал исследовать остальные платы, которые располагались выше. На очередной плате дела обстояли еще хуже – корпуса на некоторых реле были просто разорваны, как будто их с силой расковыривали.

«Такое может быть только умышленно», – понял я: случайности в виде неаккуратного обращения здесь уже исключались.

Открывая поочередно остальные шкафы, я стал осматривать все более тщательно и на главном автомате в довершение ко всему обнаружил еще один оборванный провод. Восстановил. Так дошел до кольцевого токоприемника – отдельного шкафа, через кольца которого на экскаватор подается напряжение. Кольца на токоприемнике располагались настолько близко друг над другом, что между ними даже нельзя было просунуть руку. Визуальный осмотр не выявил ничего особенного. Но, присмотревшись, в одном месте я заметил нечто серое – на первый взгляд очень похожее на комок размочаленной тряпки или комок ветоши. Достав отвертку, я дотянулся до него, но это оказалось чем-то более плотным, чем просто тряпка... И тут я увидел... хвост! Тонкий, довольно длинный, серый – напоминающий маленький хлыст: такой же плавно сужающийся к концу. Невероятная догадка заставила присмотреться еще более внимательно – уже выискивая подтверждение. И точно! В этом комке уже явно обозначилась мордочка с острыми ушками! Крыса!!!

Высохшие, мумифицированные останки, зависшие было между двумя кольцами, при дальнейшем касании отверткой внезапно осыпались вниз, освободив медные кольца токоприемника.

Когда-то давно я слышал, что крысы все пробуют на зуб. Часто от этого страдает не только что-либо съедобное, что вполне объяснимо, но и то, что вообще ни разу не съедобное. Но зато очень пахнущее. Такими часто бывают предметы из пластмассы, пластика или резины. И даже свинцовая оболочка кабелей или труб, которая в наше время встречается довольно редко. И тут пазл и сложился: судя по всему, случилось следующее.

Судя по всему, индусы напряжение на экскаватор отключили, и довольно давно – так что он простоял обесточенный долгое время. А поскольку живности в тропиках более чем и среди них одни из самых активных (про змей умолчим) в плане поискать чего-нибудь зато-

чить – крысы, то и шныряют эти товарищи, абсолютно никого и ничего не боясь, в любое время дня и ночи. И вот один такой активист и решил проверить в прямом смысле на зуб что-то свеженькое. И проник снизу по поднимающимся кабелям через кольцевой токоприемник в машинное отделение. Что он там еще нагрыз – то неизвестно: но понятно, что несколькими днями ранее якобы оборванный кабель был на самом деле не оборванный, а перегрызенный. Как и аппетитно пахнувший свежий пластик реле. И, видимо, то ли наевшись сам, то ли решив позвать на пир всех своих – тем же путем двинулся обратно. И в тот момент, когда разведчик спускался по медным кольцам вниз, чтобы оказаться на воле – индусы и подали напряжение на экскаватор. Подали не потому, что они такие злые, или террористы какие, или просто сами есть хотели – это вряд ли. И, скорее всего, уже зная индусов – было ни первое, ни второе, ни третье. Просто так совпало случайно: они же не знали про путешественника. А вот то, что любое биологическое тело на 80 процентов состоит из воды и таким образом, по законам физики, является проводником электрического тока – это известно почти каждому школьнику. «Почти» – потому что редко кто в школе не совал в розетку пару гвоздей, а на них сверху полоску фольги – что вызывало невероятный бабах и феерический восторг публики (сразу заметим, что я этого никому не рекомендовал! и не рекомендую!). Вот и наш герой, ничего не подозревая, спускаясь вниз, перемкнул собой два кольца, которые к этому времени уже находились под напряжением...

C'est la vie – такова жизнь...

А на следующий день я никуда не поехал – весь день у себя в номере гостиницы перепайвал платы. Тех, которые имелись в резерве, – не хватало, и потому пришлось одну плату принести на заклатание и из нее выпаивать еще целые реле и ставить их вместо обглоданных.

Предварительно, как положено, все сфотографировал, оформил протокол, акт, показания свидетелей, отпечатки лап, хвоста, пальцев... Отправил в Питер на завод – для отчетности:

«Акт технического осмотра №24 от 19 декабря 2014 г.

...Комиссией установлено:

При осмотре шкафов НКУ ШВ (шкаф вводной) и ШВП (шкаф вспомогательных приводов) было обнаружено повреждение плат ШИС РК090900 в количестве 4 шт., связанное с разрушением корпусов реле RT424730, которые были разгрызены представителем местной фауны. Фотографии плат, реле и останков представителя местной фауны прилагаются...»

А через несколько дней нам дали добро на перегон. Что, собственно, Саня с Ваней и сделали – потому что к этому времени у нас уже все опять работало.

Я памятник себе воздвиг

В Индии есть памятники. Но не так чтобы памятники-древности какие, охраняемые ЮНЕСКО и признанные объектом всемирного наследия, – такие как Тадж-Махал, являющийся одним из семи чудес света; или розовый Хава-Махал и совершенно не похожий на него Красный форт Агры, известный как Лал-Кила; или взметнувшаяся ввысь четырьмя острыми шпилями почти на пятьдесят метров Мечеть Четырех минаретов или даже Железный столб в Кутуб-Минаре – одна из загадок древней металлургии, оставленная предками 1600 лет назад. В Индии есть памятники, которые стоят прямо на дороге. Не в смысле – рядом или на обочине, а прямо посередине: на перекрестках в городе или деревне или просто на пересечении дорог в чистом поле. И памятники эти поставлены человеку. Как положено – на постаменте, часто с ограждением. И стоят так, что в каком бы ты направлении ни ехал, обязательно в этот памятник упруешься и вынужден будешь объезжать его по кругу, чтобы попасть на свое направление и ехать дальше. Памятники эти – или скульптуры – выполнены в полный рост и представляют собой фигуру человека: где верхом на коне с талваром в руке – индийской саблей, поражающей своих врагов; где – просто фигура воина; а где – и таких встречается больше – человек в костюме XX века, в шляпе и часто в очках. И, как правило, внизу табличка с надписью на хинди.

– Шудипто, – спрашиваю я переводчика, проезжая очередной перекресток, – а кому памятник стоит? Кто это такой?

Шудипто отворачивается в сторону и машет рукой:

– А так... Стоит.

– Так кому стоит? Кто это такой? – допытываюсь.

– Да, так... поставили одному.

– Да кому?! Кто это – личность историческая? Или деятель какой?

– А... политик один.

– Что за политик? Чем заслужил?

– Да бандит один... Все политики – бандиты, – отмахивается Шудипто.

– Мы их шахтерами прозвали, – поясняет мне Ваня: он здесь уже больше полугода. –

По ним ориентироваться хорошо: все разные – у этого налево, у того – направо. Не собьешься.

Так и не получив вразумительного ответа, я не стал больше никого терзать расспросами. Не подозревая при этом, что буквально в ближайшее время получу разъяснения по полной программе.

Надо сказать, что в это самое время в штате нашем пришло время выборов в местные депутаты. Шли очень активно – как это бывает на Востоке и в Азии: с плакатами кандидатов, с агитмашинами и тукерами, прославляющими через орущие на всю округу динамики заслуги и уникальные человеческие и деловые качества будущих политиков; с колоннами байкеров на дорогах, кричащих «Джиндоба, джиндоба!» («Слава!» или «Славься!» по-нашему). Оно и понятно – народу-то что делать еще? – безработица, дома сидеть скучно, а тут и потолкаться среди таких же – весело, и обязательно денежку какую еще дадут, ну или просто накормят в конце дня. А если еще и попадешь на глаза политику будущему, а того еще возьмут и выберут в депутаты, так – глядишь – и не забудет, как ты старался для его блага. И, может, и пристроит потом на местечко непьющее: вот жизнь и сложилась. Все везде одинаково – хоть в Индии, хоть в Штатах, хоть в Зимбабве. Сидеть и ничего не делать и чтобы за это деньги еще давали – это мечта извечная: тут, как говорится, Америк никто не открывает.

И вот по нашему округу среди всех прочих шли два основных кандидата. И было б нам все это дело глубоко по барабану, если б не то обстоятельство, что оба эти товарища напря-

мую пересекались с нашими интересами. Оба были местными бизнесменами средней руки, и каждый, естественно, свой интерес имел. С одним нам приходилось раньше дела иметь – по работе: человек оказался адекватным, с западным мышлением, слово свое держал, и работать с ним было нормально. Второму же просто хотел тупо оттяпать бизнес у первого, выйти на русских и по-легкому с них – то есть с нас – поиметь денег. Причем на постоянно-регулярной основе. А поскольку остальные «политики» реально представляли существующий расклад сил – причем явно не в свою пользу, то основная драчка развернулась между этими двумя «партнерами». Драчка настолько серьезная, что в один прекрасный день из Дели на вертолете прилетел сам премьер-министр – поддержать своего кандидата и определить, так сказать, кто есть ху. Мы в тот день пытались попасть на работу, но, поняв явную бесперспективность этой затеи на запруженных и оцепленных полицией близлежащих дорогах, повернули назад – устроив себе внеплановый выходной.

И потому нам только оставалось лишь наблюдать со стороны за тем, как разворачиваются события, и ждать, – втайне надеясь, – что победит... нет, не дружба, а тот, с кем можно было бы нормально работать в перспективе.

Но человек предполагает, а Бог располагает.

И угодно было индийскому богу (какому – история умалчивает, их там не одна сотня), чтобы избрали в депутаты... второго. Звали его Дула Матту.

Ну, на то он и индийский бог – чтобы делать все по-своему.

Нам же осталось только попечалькаться и развести руками – знать, не судьба...

Но выборы выборами, а нам работать надо: никто не отменял. И потому на следующий день после выборов мы отправились на «Блок-2».

«Блок-2» – это такое название карьера. Их там много, блоков этих – я знаю двенадцать. А чтобы легче ориентироваться, то и деревни местные называют тоже – по блокам. Вполне возможно, что у них есть какие-то свои названия – на хинди; но слышать не приходилось. Поэтому чтобы проехать в карьер, надо через деревню проехать – насквозь. Что мы и сделали – как всегда. Только что-то не то было в деревне нынче – что-то слишком пристально нас провожали взглядами местные, многие брались за телефоны после того, как мы проезжали мимо. Что-то явно происходило не так. В воздухе висела какая-то напряженность.

Через пять минут все стало понятно – подъезжая к сайт-офису на борту карьера, мы увидели толпу. Человек семьдесят-сто. С бамбуковыми палками. Нас ждали.

Мы на двух машинах. Подъезжаем, выходим. Тут же оказываемся в окружении толпы. Пикантность ситуации усугубляется тем, что именно в этот день Шудипто с нами нет. Нет у нас толмача для общения с местным населением – Шудипто накануне отпросился домой и потому благополучно отбыл к родителям в Калькутту. А английский местные знают, как мы – хинди. Стоим, смотрим молча друг на друга: толпа на нас, мы на толпу. Вопрос «Вот из проблем?» повис в воздухе. Но понятно, что что-то от нас явно хотят. Но что хотят – объяснить не могут. В голове всплыло из фильма «Белое солнце пустыни»: «Ну что, отцы! Давно сидим?»

И вдруг, рассекая толпу, выходит к нам собственной персоной... Дула Матту, народно избранный депутат. В сопровождении полиции. Ура. Свершилось. Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все стало ясно.

– Ну что? – говорит ему Юльич, он у нас главный. – Пошли в офис, говорить будем.

Депутат кивает – по-английски он не алё, но смысл уловил.

В почетном окружении толпы идем в офис. Собственно говоря, офис представляет собой сарай, обшитый жестью, но с крышей – что уже хорошо; и с квадратными проемами в стенах – с окнами то есть. Ну, кто бывал в теплых странах – поймут, потому как это нормально: главное,

чтобы сверху не жарило и не лило, а через окна сквозило. Там и в школах тоже так; да и везде практически.

Офис всех желающих, разумеется, не вместил. Потому остальные – снаружи. Располагаемся. Диспозиция такая: по одну сторону депутат, с ним помощник – тип мрачной наружности; видимо – правая рука и, похоже, недавно откинулся (что потом подтвердилось – сидел за убийство пятнадцать лет). Мы напротив. Толпа – кто внутри, кто в окнах – снаружи. Офицер полиции – молодой парень лет двадцати – и двое полицейских уселись посередине: для контроля переговорного процесса и вообще, на всякий случай. Переговоры-то международные: русско-индийские.

Юльич – депутату:

– Ду ю спик инглиш?

А в ответ – тишина.

– Не дую, понятно, – вздыхает Юльич. – Звоним Шудипто.

И полез за телефоном.

Понимая, что время есть, и даже очень, – решаю, что не стоит терять время и нужно заняться, собственно, тем, что я и должен делать. Потому, пока суть да дело, – решаю заполнить технологические журналы. Оглянувшись назад, вижу за спиной человека с фотоаппаратом.

– Фоторепортер? – прикалываюсь с серьезным лицом.

Тот с важным видом кивает. И только сейчас замечаю на его груди бейджик представителя прессы.

«Однако тут все и в самом деле по-взрослому», – промелькнуло в голове.

А Юльич тем временем дозвонился до Шудипто.

– Шудипто, привет. Занят? Неважно. Бросай все – слушай сюда. Короче, у нас тут ситуация: приехали на «Блок-2». А тут какой-то страйк устроили – забастовку, говорю; человек сто и депутат, которого выбрали. Короче, даю ему телефон – пусть скажет, что хочет. Объясни, что через тебя будем говорить.

С этими словами передает телефон депутату.

Тот берет, говорит на хинди, возвращает телефон назад – Юльичу.

– Да, слушаю. А мы здесь при чем? Скажи – что его неправильно информировали.

Передает депутату телефон. Опять хинди. Телефон – назад.

– Да что он говорит? Что он теперь главный? Над кем? Над всеми?! Почему? Потому что политик? Рады за него. Спроси его – а мы-то при чем?

Телефон назад. Говорят. Возвращает.

– Ну что? Говорит – деньги теперь должны? С какого перепугу? Не понял? Забей... Почему должны? Потому что политик? Скажи, мы и раньше не платили. Давай.

Телефон. Хинди. Возврат.

– Ну? Он говорит: платили? Кому? Ему так говорили? Объясни: мы не платим и на работу не берем, завод нанимает подрядчика и переводит ему деньги – за выполненную работу. У нас нет денег. У нас только контроль и консультации. Объясни.

Связь алаверды: от нашего стола – вашему. Говорят – хинди. Назад.

– Да, я. Говорит, раньше были деньги? У кого? У нас? Еще раз объясни: завод переводит подрядчику, мы деньгами не занимаемся. Давай.

Телефон – хинди – назад.

– Слушаю. Говорит, чтобы с ним договор заключали? Какой договор? Что он теперь подрядчик? Как это? Новый написать? И все? Нет, так не делается – объясни, что не мы заключаем. У нас прав на это нет – не наши полномочия. Скажи ему.

Телефон – хинди – назад – снова.

– Это я, говори. Кто заключает? Директор генеральный! Шудипто! Не о том говорим! Не будет никто ничего с ним заключать! Это не два пальца обас... фальт! Так не делается! Как делается? В тендере надо участвовать, а не с бухты-барухты! Поздно схватился. Объясни ему!

Церемониал с телефоном по регламенту.

– Да, я. Что говорит? Работу остановит? Забастовку сделает? Скажи – нам все равно. Это не наше дело. Мы – технический контроль. Объясняй.

Процесс передачи коммуникатора. Диалог на хинди. Все взад.

– Да, слушаю. Деньги дадим – страйка не будет? Про деньги сказал – что не наше дело? Говорит, чтобы на завод звонили? Сказал, что нам пофиг? Все равно, говорю! Еще раз скажи – деньгами не занимаемся, звонить не будем. Скажи, вообще домой уедем – на том все и закончится. Давай.

Ритуал с телефоном: туда-сюда-обратно.

– Я, да. Слушаю. На работу?! Кого?! Людей? Каких? Которые здесь стоят? А мы здесь при чем? Скажи, мы на работу не принимаем, у нас завод принимает. В России причем. Они туда поедут – устраиваться? Объясняй.

Передача – возврат.

– Слушаю. Требуется, чтобы взяли на работу? Здесь? Сколько?! Пятьдесят человек?! А чем ими делать? Он понял, что не принимаем? Есть подрядчик – он принимает, к нему все вопросы. Давай вложи ему в уши.

Телефон из рук – в руки и назад: уже как традиция.

– Ну что? Говорит – согласен, чтобы тридцать взяли? Не берем мы! Нет полномочий таких! Скажи ему! И прав юридических не имеем! Мы – только техническая поддержка. Воткни, чтобы понял!

Прения на хинди. Отпасовка русскому партнеру.

– Да, я – кто еще? Шудипто! Ты хоть не тупи! Излагай давай! Что говорит? Ну и что, что он деревенским обещал! Не мы же обещали! Напел песен перед выборами – его дело! Сам пусть разбирается. Не берем мы на работу – что непонятно? Не получится это. Говори давай.

Отработанный ритуал с телефоном под названием «туда-сюда».

– Говори. Я. Да. Сколько? Пять взять? Да и пять не взять! Не трудоустраиваем мы. Нет – несколько не взять! Говорил уже. Передай ему.

Депутат выслушал Шудипто, перекинулся на хинди со своей правой рукой – тот все время сидел молча, хмуро наблюдая за происходящим. После чего снова стал что-то объяснять Шудипто по телефону. Закончил, передал Юльичу.

– Говори. Слушаю. Три дня дает? Чтобы подумали? А потом – страйк сделает? Забастовку? На месяц? Ну, это его дело. Хоть на год. Ладно, скажи ему, что мы будем думать три дня; но мы в эти три дня будем работать – чтобы он не мешал. Понял? Давай, объясни нормально. И так уже три часа тут переговоры ведем.

Переброс средства связи. Выслушал, закивал головой, вернул телефон Юльичу.

– Что говорит? Согласен? На три дня? Понятно. Скажи, что договорились. Потом встретимся – будем дальше разговаривать.

Гул одобрения раскатился по офису и за его пределами – депутат огласил народу результаты тяжелых и трудных переговоров с русскими.

Все вывалили наружу – мы сами по себе, депутат в окружении избирателей. Представители медиа и информагентств – фоторепортер и видеооператор – бросились брать интервью о ходе и результатах непростых переговоров, проведенных столь блистательно только что избранным народным депутатом. И эти первые шаги – безо всякого сомнения – уже четко обозначили начало многообещающего пути, направляющего будущего талантливого политика к вершинам местечкового политического Олимпа.

И, таким образом, послужили основой к закладке первого кирпичика в постаменте очередного (и, вполне вероятно, прижизненного – а почему бы и нет?) местного памятника самому себе, установленного на еще одном пока никем не занятом перекрестке бесчисленных индийских дорог...

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Впрочем, это уже Александр Сергеевич.

P. S. А через три дня в карьере объявили страйк. Потому что денег, разумеется, никто не дал. Как и на работу никого не приняли. И началась обычная индийская тягомотина: периодически устраивались страйки – между ними как-то удавалось работать. Дирекция государственной угледобывающей компании, на территории которой это происходило, как и полиция, ввиду традиционной коррумпированности заняла позицию наблюдателей из ООН: то есть придерживались нейтралитета, занимая выжидательную позицию и не принимая ничью сторону. Но оно и понятно – как против народа и его депутата выступать? Себе дороже.

Но постепенно как-то все сошло на нет. Говорили, что вроде как депутат встречался с подрядчиком нашим и вроде что-то у того сумел все-таки оттяпать; еще ходили разговоры, что вроде прилетал министр из Дели – чтобы всех помирить; и тогда там дали и депутату, и министру тоже. Еще ходили разговоры, что вроде полиция вмешивалась – наверное, главному полицейскому тоже поднесли. Точно сказать не могу – как говорится, свечку не держал. Но со временем вырулилось, и в целом работа пошла по своему обычному ритму. А по какому – это уже другая история.

Отпор

– Сегодня попробуем попасть на экскаваторы, – сообщил Шукин за завтраком, с аппетитом уплетая очередной чиз-омлет. – Чиф-менеджер ВССЛ пообещал поспособствовать.

Шла вторая неделя очередного страйка, организованного неутомимым мистером Дула Матту. Получив возжеленный мандат депутата после недавно прошедших выборов в местные органы самоуправления, мистер Дула Матту терять время попусту не стал и бодро взялся за дело. В первые же дни своей политической карьеры он объявил страйк на карьерах, которые попадали в его избирательные районы. Это было несложно – поскольку во время своей предвыборной кампании Дула Матту пообещал всему народу светлое будущее в виде трудоустройства каждого и за хорошие деньги. Потому – буквально на следующий день – в окружении местного электората числом около сотни, вооруженного бамбуковыми палками и кричащего «Джиндоба!», и в присутствии представителей местного СМИ в виде одного кинооператора, фотографа и журналиста, а также наряда полиции, Дула Матту на одном из карьеров, а именно на «Блоке-2», провел успешные переговоры с русскими о предоставлении рабочих мест своим вчерашним избирателям. О чем тогда на следующий день с воодушевлением радостно сообщила местная пресса: все-таки прищемить хвост белому человеку в сознании индийца до сих пор является чуть ли не первой радостью в жизни – тут, видимо, сказывается недавнее колониальное прошлое. Собственно, мы тоже недалеко ушли: у нас, как известно, нет большей радости, чем та, когда у соседа корова сдохла; а что уж про других говорить... Люди везде одинаковы.

Разумеется, тогда весь Дханбад дружно порадовался многообещающему старту молодого пятидесятилетнего политика Дула Матту. И поскольку успешные переговоры тогда благополучно зашли в тупик по причине того, что русские на самом деле по своим полномочиям прием на работу в принципе не вели вообще, а Дула Матту сей факт не принимал однозначно, то организованный им страйк растянулся на неопределенное время. Работа на карьерах по обслуживанию экскаваторов была остановлена. Нашего подрядчика в лице DPPN Company карбонари мистера Дула Матту к экскаваторам просто не подпускали – на подъездах к экскаваторам ими были организованы круглосуточные посты. А чтобы окончательно пресечь какие-либо попытки по обслуживанию оборудования, сподвижники мистера Дула Матту прошлись по домам наших индийцев и популярно объяснили, что за неуместный с их стороны энтузиазм они просто вырежут всю семью. Наши индийцы боялись высунуть нос из дома – про работу и речи быть не могло. Но пару раз наш отважный мистер Мукеш вместе с мистером Сону смогли ночью проникнуть на отказавшие экскаваторы и устранить неисправности. Правда, предварительно натянув на голову черные подшлемники и замотавшись, как ниндзя, во все черное. Но дальше этого дело не пошло – о проведенной акции непослушания дошло до мистера Дула Матту: в Индии и у камней есть уши. В результате чего мистер Мукеш около недели появлялся в офисе DPPN Company в темных очках – под ними скрывался фиолетовый бланш, который мистеру Мукешу был доставлен прямо на дом. Мистер Сону, как воин из касты сикхов, очки не носил, но вид имел довольно потрепанный. Таким образом, дальнейшие попытки по обслуживанию техники больше не предпринимались. Хотя экскаваторы продолжали периодически работать. Но что там с ними происходило и в каком состоянии все находилось – было непонятно. И это было нехорошо – при таком раскладе, когда смазку узлов нужно проводить каждый день, мы могли получить серьезные поломки. Надо было что-то предпринимать.

– Чиф – главный из угольной – пообещал, что он договорится с полицией, – продолжил Шукин, – чтобы они выделили вооруженный наряд для нашего сопровождения. И во избежание каких-либо эксцессов.

– Бред какой-то, – возмутился Ваня. – Мы еще под вооруженным патрулем ездить на работу будем! Совсем с ума посходили!

– Ваня, не бузи, – осадил Щукин. – Какие еще варианты ты предлагаешь? Ты видишь, что происходит? Техника работает, а никакого обслуживания нет. Мы с этим подходом себе такие проблемы поймеем, что мало не покажется!

– Надо как-то самим на экскаваторы попадать и мейнтененс делать – другого варианта нет, – продолжил Щукин. – Так что на 12:00 я вызываю машину и едем.

– Мне тоже ехать? – засомневался Толик Брусов.

– Толик! Ты супервайзер или где?! – возмутился Щукин. – Конечно, едешь! Ваня с Саней будут мазать, ты осмотришь все! Чего непонятно? Серега, ты тоже едешь, – повернулся ко мне Щукин.

– Понятное дело. Там неизвестно что с генераторами творится – уже, наверное, все щетки в ноль стерлись. Надо смотреть. Мукеша будем брать с собой?

– Спрошу его, – подумав, ответил Щукин. – Пусть сам решит, мы его подставлять не можем.

На том и порешили.

В районе полудня два брата, супервайзер Толик и я во главе с руководителем проекта Щукиным погрузились в машину и направились в сторону карьера «Блок-2».

– И где полиция? – поинтересовался Ваня.

– Они нас там встречать будут, – заверил Щукин.

– Да-да, там будут ждать – я звонить буду, – подтвердил сзади Мукеш: он решил ехать с нами.

Патрульная «Махиндра Болеро» с четырьмя вооруженными полицейскими поджидала нас на въезде в карьер. Пристроившись за ней, мы двинулись вперед. В начале спуска в карьер миновали сначала один, чуть позже второй пост добровольных помощников Дула Матту. Против полиции они ничего не имели. В карьере было пусто – в это время проходила пересменка, и в образовавшийся перерыв у нас вырисовывалось часа два на все про все. Собственно, этого нам было достаточно.

– Ну, я пошел, – сказал я, доставая из машины рюкзак с инструментом. – Пойду, посмотрю на масштаб бедствия.

– А мы снизу начнем, – ответил Ваня. – Ходовую осмотрим для начала.

Супервайзер мистер Брусов и руководитель проекта мистер Щукин, разминая ноги, тоже выбрались из машины. От Дханбада до «Блока-2» получалось около 60 километров и, соответственно, почти час на дорогу. Оба отошли в сторону, Брус закурил, и они издали стали рассматривать экскаватор. Оба со стороны смотрелись почти как братья-близнецы – с той лишь только разницей, что мистер Брусов в поперечном сечении все же несколько уступал мистеру Щукину – до ста пятидесяти килограммов живого веса начальника Брус недотягивал около тридцати. Но с учетом старой мудрости, которая гласит, что хорошего человека должно быть много, а также с точки зрения субординации – все было по фэншую. Разумеется, карабкаться по лестнице вверх на экскаватор оба однозначно не собирались – для того и были привезены другие люди, да и не царское это дело – руки пачкать.

Поднявшись в машинное отделение, я приступил к осмотру. Генераторы преподнесли приятный сюрприз – износ щеток оказался не таким критическим и вполне соответствовал норме. Осмотр двигателей также не выявил ничего криминального. Это уже успокоило. Часы наработки на мониторе в кабине машиниста только подтвердили предположение, что экскаватор за время нашего вынужденного отсутствия работал немного. Я вернулся в машинное

и приступил к осмотру шкафов, где размещалась система управления. Но минут через двадцать с улицы раздался голос Шукина:

– Серега! Иди сюда!

Я вышел из машинного отделения наружу, но спускаться с экскаватора не стал – сверху с напорной площадки и так все было видно.

– Что хотел, Юльич? – спросил я сверху.

– Спускайся сюда! – ответил Шукин каким-то несколько нервным голосом.

Внизу около нашей машины стояла еще одна – чужая. Из нее вылезли шесть индийцев, Мукеш уже был рядом с ними, Ваня с Саней тоже подтянулись к Мукешу. Полицейский патруль при подъезде к экскаватору непосредственно к нему съезжать не стал и остался на ярус выше. Там они и стояли, бдительно озирая окрестности. Подъехавшая машина подозрений у них не вызвала, тем более что пока ничего сверхкриминального не происходило: образовавшийся митинг пока не переходил в следующую стадию типового мероприятия – то есть в банальную драку. А поговорить и каждому высказаться по любому поводу – это в Индии святое.

– Что такое? – спросил я, на самом деле уже понимая, что за гости к нам пожаловали.

– Давай вниз! – подключился к Шукину Брус. – Спускайся! Быстрее!

В голосах обоих уже явно звучала зарождающаяся легкая истеричность.

– Так в чем проблема? Я тут занят, вообще-то... – стал прикидываться я.

На самом деле я понял – приехали сподвижники Дула Матту. И, значит, снова заведется старая песня о его хотелках. Собственно, с его точки зрения и с точки зрения его карбонариев, все выглядело правильно и логично. Кроме одного: мне это было неинтересно, так как я приехал со своей задачей, и пустые разговоры мне не сильно улыбались по причине того, что и времени у нас было не так много, и по причине того, что вся эта их «политика» была мне также безразлична – как говорится, в каждой избушке свои колотушки. А в индийской – тем более.

Я развернулся и ушел в машинное.

– Серега!!! – Два голоса слились в унисон: Брус и Шукин по децибелам не уступали друг другу. – Иди сюда!!!

– Что хотели? – вернулся я. – Что за шум?

– Спускайся! Тебе говорят – иди сюда!!! – Нервное напряжение окончательно накрыло и трехсотпятитонный экскаватор, и всех, кто находился рядом. Кроме полиции – они дальновидно находились вне зоны поражения.

Я осмотрел гостей. В толпе подъехавших карбонариев я увидел Ракеша, который раньше работал у нас в DPPN. Но, как это часто случается в мутные времена, ротация кадров и перетекание их из одного лагеря в другой – дело вполне обыденное и, можно сказать, нормальное. Правда, в военное время такое «перетекание» всегда называлось дезертирством или предательством и подлежало расстрелу без суда и следствия прямо на месте. Но в мирное время оценка поступков часто другая – причем часто противоположная: странности нашего мира поистине безграничны и порой просто труднообъяснимы.

Завидев меня, Ракеш поднял руку и согнутым пальцем поманил меня. Такой откровенно хамский жест я демонстративно проигнорировал, сделав вид, что вообще его не видел.

– Что за шум? Что вы там за собрание устроили? У нас и так времени мало, – продолжал я гнуть свою линию, выражая, таким образом, полное равнодушие к посланникам Дула Матту.

– Мистер Сергей, спустись, пожалуйста, – подал голос Мукеш. Он стоял в центре общей кучи, как бы разделяя обе стороны. – Иди сюда.

Игнорировать просьбу Мукеша я уже не мог – если он просил, то имел на это все основания, и сложившуюся ситуацию он понимал как никто лучше всех. К Мукешу стоило прислушаться. Тем более что роль основного переговорщика с нашей стороны он, разумеется, взял на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.